

КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.614

ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ ОТ ДЕЙСТВИЙ, ИНСПИРИРУЮЩИХ СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Р. М. Абызов

доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Барнаульского юридического института МВД России

М. А. Малетина

старший научный сотрудник научно-исследовательского
и редакционно-издательского отдела
Барнаульского юридического института МВД России

Авторами статьи дается критическая оценка конструирования уголовно-правовых запретов, направленных на защиту от действий, инспирирующих суицидальное поведение. На основе анализа апробированных вариантов установления ответственности за совершение фактически неоконченного преступного деяния делается вывод о нарушении техники построения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства. Предлагаются способы устранения выявленных недостатков.

Ключевые слова: склонение к самоубийству, содействие совершению самоубийства, конструирование уголовно-правовых норм.

В российском уголовном законодательстве последних лет прослеживается тенденция выделения в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) специальных оснований ответственности подстрекательских и пособнических действий, в результате чего виновные несут ответственность как исполнители особых видов преступных посягательств, которые в уголовно-правовой доктрине получили название «соучастие особого рода».

Ярким примером является статья 110¹ УК РФ, предусматривающая ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, введенная в УК РФ Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению».

В научной литературе часто встречаются критические оценки указанных новелл, связанные, прежде всего, с игнорированием института соучастия в преступлении, а также нарушением единства и системности положений УК РФ [1; 2]. Кроме того, основным предметом рассмотрения множества публикаций являются проблемные вопросы, связанные с установлением признаков объективной стороны рассматриваемых преступных посягательств, их отграничением друг от друга и смежных составов [3–6].

Признавая безусловную ценность указанных научных изысканий, хотелось бы подробнее остановиться на законодательной оценке общественной опасности преступле-

ний, предусмотренных ст. 110¹ УК РФ, и ее влиянии на дифференциацию уголовной ответственности.

Основные составы склонения к самоубийству и содействия его совершению сконструированы как формальные (ч. 1 и 2 ст. 110¹ УК РФ). Обязательным признаком квалифицированного состава (ч. 3 ст. 110¹ УК РФ) также является лишь общественно опасное деяние — склонение к самоубийству или содействие его совершению, совершенное в отношении специальных потерпевших (несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; в отношении двух или более лиц), а также определенными способами (группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Особо квалифицированные составы склонения к самоубийству или содействия его совершению являются материальными по своей конструкции. Рассматриваемые преступные посягательства признаются оконченными при наступлении последствий в виде самоубийства потерпевшего или покушения на него (ч. 4 ст. 110¹ УК РФ), самоубийства (покушения на него) специальных потерпевших (ч. 5 ст. 110¹ УК РФ), самоубийства двух или более лиц (ч. 6 ст. 110¹ УК РФ).

Следует признать, что криминализация деяний, инспирирующих суицидальное поведение, является вполне обоснованной, поскольку преступная причастность к совершению самоубийства представляет собой особый вид соучастия, не получивший должной регламентации в Общей части УК РФ. В связи с тем, что в ст. 33 УК РФ регламентировано соучастие в преступлении, а самоубийство к таковым действующим законодательством не относится, действия подстрекателя и пособника совершения самоубийства обладают определенной спецификой, что формирует необходимость их регламентации в самостоятельных нормах Особенной части УК РФ.

Предпосылкой установления уголовной ответственности за подстрекательские и пособнические действия совершению самоубийства явилось лавинообразное распространение в сети Интернет «групп смерти», а также суицидальных игр в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram, Twitter и Facebook. Названий у этих групп множество: «Белый кит», «Скорби, душа моя», «Жертва суицида», «F57 Suicide 18+», «Погибшие души суицида», «Тихий дом», «Море китов», «Разбуди в 4:20», «На грани жизни», «Некрес Психес» и др. По мнению разработчиков законопроекта, «...появление новых форм преступных действий, оказывающих влияние на сознание ребенка и мотивацию его поведения, значительным образом повлияло на повышение количества самоубийств несовершеннолетних» [7]. Ввиду того, что указанные новые формы преступных действий, общественная опасность которых заключается в создании угрозы жизни и здоровью детей, не охватывались действующими составами УК РФ, предлагалось установить уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению.

Несмотря на безусловную значимость общественных отношений, на которые направлены данные преступные посягательства, специальная дифференциация ответственности за нерезультативное склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению в рамках ч. 1 и 2 ст. 110¹ УК РФ представляются нам не вполне обоснованными.

Ретроспективный анализ уголовно-правовой оценки склонения к самоубийству и содействия его совершению свидетельствует о том, что нормы о преступной причастности к самоубийству в «уложенческий» и советский периоды были сконструированы как материальные.

Так, уголовная ответственность по ст. 462 Уложения 1903 г. (далее — Уложение) наступала за доставление средств к самоубийству, если вследствие этого последовало самоубийство. Наказанием за совершение указанного преступного посягательства являлось заключение в исправительный дом или крепость на срок не более трех лет.

Статья 463 Уложения предусматривала ответственность за подговор к самоубийству лица, не достигшего 21 года, или лица, заведомо неспособного понимать свойства и значения им совершаемого или руководить своими поступками, или за содействие самоубийству таких лиц советом или указанием, доставлением средства или устранением препятствия, если вследствие этого самоубийство или покушение на него последовало. Наказанием являлись каторжные работы на срок не более восьми лет. Санкция рассматриваемой нормы является более строгой в сравнении с санкцией ст. 462 Уложения ввиду повышенной степени его общественной опасности.

В ст. 148 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. (далее — УК РСФСР 1922 г.) устанавливалась ответственность за содействие или подговор к самоубийству только несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали. За совершение данного преступного деяния предусматривалось наказание в виде лишения свободы сроком до трех лет [8].

Часть 2 ст. 141 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (далее — УК РСФСР 1926 г.) полностью дублировала ст. 148 УК РСФСР 1922 г. и предусматривала уголовную ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо неспособного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали. Наказанием за совершение данного преступления по-прежнему оставалось лишение свободы сроком до трех лет [9].

По действующему уголовному законодательству ответственность за результативное склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению (ч. 4 ст. 110¹ УК РФ), ввиду значимости тех общественных отношений, для защиты которых были криминализованы рассматриваемые преступные посягательства, является очень строгой. Так, санкция указанной нормы позволяет назначить виновному наказание в виде лишения свободы сроком от пяти до десяти лет.

Следует отметить, что при покушении на данное преступление (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 110¹ УК РФ), то есть при совершении склонения к самоубийству и (или) содействия его совершению, не повлекших ни одного из двух альтернативных последствий (совершения потерпевшим самоубийства или покушения на него), максимальный срок наказания для виновного, в соответствии с ч. 3 ст. 66 УК РФ, мог бы составлять семь лет и шесть месяцев лишения свободы, что равнялось бы трем четвертям максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного ч. 4 ст. 110¹ УК РФ.

Однако уголовная ответственность за нерезультативное склонение к самоубийству или содействие его совершению наступает по ч. 1 и 2 ст. 110¹ УК РФ. Санкции же вышеуказанных норм предусматривают максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет за склонение к самоубийству и до трех лет за оказание содействия его совершению. По справедливому мнению некоторых ученых, такая дифференциация ответственности является необоснованной [10].

Анализ положений Особенной части УК РФ свидетельствует о существовании двух апробированных вариантов установления ответственности за совершение фактически неоконченного преступного деяния:

1. Конструирование материального состава преступления, при наличии которого неоконченная преступная деятельность квалифицируется с учетом положений ч. 3 ст. 30 УК РФ.

2. Конструирование усеченного состава преступления, посредством которого вводится самостоятельный уголовно-правовой запрет на действия, связанные с началом выполнения объективной стороны деяния.

При этом важно отметить, что данные способы применяются законодателем альтернативно и никогда не дублируют друг друга — во всех случаях конструирование усеченного состава преступления исключает наличие аналогичного материального состава и наоборот. Кроме того, усеченная конструкция имеет место в случае, когда действия, связанные с началом выполнения объективной стороны деяния, обладают общественной опасностью, равной или превышающей общественную опасность преступных последствий.

При конструировании ст. 110¹ УК РФ законодатель использовал одновременно оба варианта построения уголовно-правовой нормы, предусмотрев наряду с усеченным составом преступления ответственность за совершение деяния, повлекшего наступление общественно опасных последствий. При этом не были приняты во внимание и положения ч. 3 ст. 66 УК РФ о соотношениях максимальных сроков наказания в виде лишения свободы за оконченное и неоконченное преступления.

В результате подобного конструирования ст. 110¹ УК РФ наличие в ней усеченных составов искусственно занижает максимальный срок наказания в виде лишения свободы, который мог бы быть назначен за совершение покушения на результативное склонение к самоубийству или содействие его совершению по ч. 3 ст. 30 УК РФ, ч. 4 ст. 110¹ УК РФ, — в случае склонения к самоубийству — более чем в три раза, в случае содействия его совершению — более чем в два раза.

Обобщение изложенного позволяет заключить, что разработчики законопроекта, указывая в пояснительной записке цель криминализации анализируемых изменений, которая «заключается в обеспечении безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создании мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицидам» [6], излишне детализировали статью за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, предусмотрев в ее различных частях дублирующие и логически несогласованные уголовно-правовые нормы, следствием чего явилось ограничение возможности уголовно-правового противодействия деяниям, инспирирующим суицидальное поведение.

Представляется, что решением обозначенной проблемы могло бы стать исключение составов, предусматривающих ответственность за нерезультативное склонение к самоубийству или содействие его совершению (ч. 1–3 ст. 110¹ УК РФ), и сохранение лишь материальных составов указанных преступлений, повлекших самоубийство потерпевшего или покушение на него. Указанные изменения позволят решить проблему дублирования норм и нарушения правил законодательной техники уголовного закона.

В подтверждение обозначенной позиции следует привести следующие аргументы. Во-первых, материальная конструкция состава наиболее соответствует специфике рассматриваемых преступлений, выражающихся в криминообразующем характере их последствий; а во-вторых, такая законодательная регламентация обеспечит дифференциацию ответственности за неоконченное склонение к самоубийству и содействие его совершению, соответствующую положениям ч. 3 ст. 30 и ч. 4 ст. 66 УК РФ, что обеспечит повышение уровня защиты жизни и здоровья граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бавсун, М. В. Проблемы правовой регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства / М. В. Бавсун // Криминалистика. — 2019. — № 1(26). — С. 11–15.
2. Дубовиченко, С. В. Новеллы уголовного законодательства о преступлениях против жизни: критический анализ / С. В. Дубовиченко, В. П. Карлов // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. — 2017. — Т. 2. — № 4. — С. 168–175.
3. Егорова, Н. А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека / Н. А. Егорова // Уголовное право. — 2017. — № 6. — С. 11–17.

4. Крылова, Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл / Н. Е. Крылова // Уголовное право. — 2018. — № 1. — С. 75–83.

5. Малетина, М. А. Проблемы толкования иных способов склонения к самоубийству в рамках ч. 1 ст. 110.1 УК РФ (на основании материалов судебной практики) / М. А. Малетина // Актуальные проблемы учения о преступлении : тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рождения А. И. Марцева. — Омск : Омская акад. МВД России, 2020. — С. 256–259.

6. Пучнина, М. Ю. Криминальный суицид: проблемы квалификации и отграничение от смежных составов преступлений / М. Ю. Пучнина // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. Сер. Юрид. науки. — 2019. — № 1. — С. 212–216.

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению [Электронный ресурс] : пояснительная записка к проекту Федерального закона № 118634-7. — Режим доступа: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=118634-7](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=118634-7). — Дата доступа: 31.10.2020.

8. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (ред. от 25.08.1924 г.). // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020 (утратил силу).

9. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК от 22.10.1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (ред. от 20.05.1932 г.) // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020 (утратил силу).

10. Филиппова, С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.08.08 / С. В. Филиппова. — М., 2020. — 209 л.

Поступила в редакцию 09.11.2020 г.

Контакты: gav1861@yandex.ru (Абызов Равиль Михайлович),

mamaletina85@mail.ru (Малетина Мария Александровна)

Abizov R. M., Maletina M. A.

PROBLEMS OF CONSTRUCTION CRIMINAL LAW NORMES DIRECTED TO PROTECT FROM ACTIONS INSPIRING SUICIDAL BEHAVIOR

The authors of the article give a critical assessment of the construction of criminal law normes directed to protect from actions that inspire suicidal behavior. Based on the analysis of tested options for establishing responsibility for the commission of an actually unfinished criminal act, it is concluded that the technique of constructing a criminal law norm has been violated, providing for liability for inducement to commit suicide or assistance in committing suicide. Ways to eliminate the identified shortcomings are proposed.

Keywords: *inducement to suicide, assistance in committing suicide, construction of criminal law rules.*